

Москва
Жахерный т-р
н/р В Якунина

Новое в театральной жизни города

Вот Москва. - 1903.
28 июля

«ДОМ» ЕСТЬ, НО НЕ ПРО ВАШУ ЧЕСТЬ

В традициях нашей газеты было знакомить москвичей с новыми или мало-известными сценическими коллективами, спектакли которых вносят значительное разнообразие в театральную палитру столицы.

Сегодня наш рассказ о московском Камерном театре под руководством В. Якунина. «Камерный»? — спросят иные москвичи и тут же добавят: «Знаем. Камерный музыкальный театр под руководством Б. Покровского. Но при чем же здесь Якунин?». «А при том, — ответим мы, — что это совсем иной театр — драматический, выступивший весной с серией благотворительных бесплатных спектаклей».

О нем знают мало даже театроведы, а уж о зрителях и говорить не приходится. А между тем в его репертуаре: «Цилиндры» Эдуардо де Филиппо, «Все в саду» Э. Олби, «Каждый год в то же время» Б. Слейда, «Женитьба» Н. В. Гоголя. О последнем спектакле и рассказывает читателям кандидат искусствоведения Ольга ИГНАТЮК.

Позволив себе пренебречь пресловутым «зрелищно-кассовым» интересом (как миновать его нынче?), Якунин поставил «Женитьбу» в духе старомодного «русского созерцательного спектакля». Он очень напомнил мне легендарную «Женитьбу» Анатолия Эфроса, созданную в середине 70-х годов. Несомненно, Валерий Якунин хорошо знал и любил эту эфросовскую постановку — во всяком случае, его спектакль хранит о ней самые живые воспоминания. Все это я говорю, как вы понимаете, именно в приветствующем регистре — поскольку хорошо известно, что чужих воздействий не избежал никто из серьезных художников, все в свое время у кого-то учились. Что до эфросовской традиции в постановке классики — то тут она налицо, усвоенная и продолженная; перед нами пример утонченного русского психологизма в сочетании с изысканным чувством, театральной формы.

Гоголевский сюжет рассказан Якуниным, как грустно-ироническая притча «со слезой» в антураже жанровых федотовских полотен с премилыми подробностями быта, в котором рядом с персонажами живут толстый пушистый кот и говорящий попугай в клетке. Но это — именно антураж, обрамляющий сладострастнейшее сочинение о великом сомнении одиночества, сие несомненное обоюдное мечтание двух существ, сплетенное из печалей, вздыханий и грез.

Да, тут пример именно «русского созерцательного искусства». Дарящего нам актерское умение отсылать свой взор не столько в пространство, сколько в глубь самого себя, а также умение все время чувствовать близки или вдали и обещать нам какую-то иную цель и, может быть,

иной, внесюжетный смысл. Да, моменты вдохновенного актерского «самопогружения» тут ценятся выше движения интриги. А искусство «медленного диалога» — часть общего, несуетного и глубокого дыхания жизни, которое нечасто встретишь на сегодняшней сцене.

Когда же от грез и туманов, навеянных «Женитьбой», возвращаясь к реальности нашей жизни и к реальности существования самого Камерного театра, то опять же многому удивляешься. Например, тому, что театру каким-то непостижимым образом удается жить и работать при полном отсутствии условий для этого. Где и как Якунин осуществляет свои постановки, не имея никакого помещения и никакой сцены? Камерная сцена в огромном Доме искусств, построенном в Кузьминках, была лишь обещана, но так и не отдана этому коллективу. Да, судьба якунинского театра — все время быть «на колесе», но это не означает отсутствия собственно стационара. Поскольку стационар для театра — это все: и условие полноценной работы, включающей в себя также технические службы театра, и — в итоге — весь художественный строй спектакля.

Знакомясь с работой Камерного театра, думаешь, конечно, и о том, сколько и чего надо ежедневно предоставлять этому талантливому коллективу во главе с его режиссером, чтобы, вопреки всему, все же сохранять свою форму, и насколько больше эти слабые люди могли сделать, если бы... Что ж, будем все же надеяться, что все лучшее у коллектива впереди...

О. ИГНАТЮК.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. Агафья Тихоновна — А. ЗАХАРОВА, Подколесин — А. ПОПОВ.

